

УДК 821.161.1.09-95+ Гоголь

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В МАЛОРОССИЙСКИХ ТЕКСТАХ «АРАБЕСОК» Н. В. ГОГОЛЯ

Т. А. Волоконская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: tatianavolokonkaia@gmail.com

В статье анализируются особенности функционирования исторической памяти в художественном мире малороссийских текстов «Арабесок» и примыкающих к ним фрагментов. Необходимым условием сохранения памяти о прошедшем становится в этих произведениях наличие связанного с историческими событиями материального объекта и его толкователя.

Ключевые слова: Гоголь, «Арабески», историческая память, руина, «Гетьман».

The Historic Memory Issue in the Little Russia Texts of N. V. Gogol's Arabesques

T. A. Volokonская

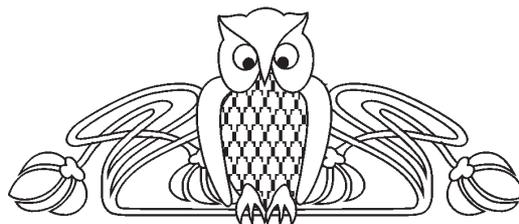
The article analyzes the features of the historic memory functioning in the creative world of the Little Russia texts of the *Arabesques* and fragments relative to them. The necessary condition of retaining the memory of the past in these works is the existence of a material object related to the historic events and its commentator.

Key words: N. V. Gogol, *Arabesques*, historic memory, ruin, *Hetman*.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-3-275-278

Прежде чем приступить к раскрытию заявленной темы, необходимо по возможности внятно определить сам объект исследования. Строго говоря, к малороссийским текстам «Арабесок» мы можем отнести только два так называемых исторических фрагмента («Глава из исторического романа» и «Пленник»), а также две статьи («Взгляд на составление Малороссии» и «О малороссийских песнях»). Однако история создания, публикации и последующей рецепции «Арабесок» позволяет расширить этот круг источников.

Специальное гоголевское примечание к «Главе из исторического романа» объявляло ее и фрагмент «Пленник» сохранившимися эпизодами романа «Гетьман». Примечание это, по наблюдению Л. В. Дерюгиной, «не привлекло внимания критики при выходе Ар., зато вызвало повышенный интерес библиографов и историков литературы после смерти автора»¹. На протяжении всей истории изучения «Арабесок» ученые либо полностью отрицали принадлежность «Главы...» и «Пленника» к роману «Гетьман», либо, наоборот, принимали на веру гоголевское указание, несмотря на отсутствие убедительных оснований для такого объединения. Первое научное издание «Арабесок», осуществленное В. Д. Денисовым в рамках серии «Ли-

тературные памятники»², продолжило традицию исключения исторических фрагментов сборника из состава «Гетьмана», поэтому сохранившиеся наброски романа не были введены исследователем в книгу даже в качестве дополнительных материалов. Редакция нового Полного собрания сочинений и писем Гоголя в 23 томах заняла противоположную позицию, включив в состав третьего тома, посвященного «Арабескам», «<Несколько глав из неоконченной повести>» (предполагаемые фрагменты «Гетьмана»). Это решение кодификаторов тома, а также несомненная общность художественных мотивов, раскрывающих проблему исторической памяти, во всех перечисленных текстах позволили нам распространить сферу внимания исследования и на «<Несколько глав из неоконченной повести>», оставив при этом в стороне вопрос об их текстологическом единстве с «Главой из исторического романа» и «Пленником».

Очертив, таким образом, круг источников нашего исследования, обратимся непосредственно к их анализу. Необходимо сразу отметить, что вопрос об исторической достоверности гоголевских текстов должен рассматриваться под весьма своеобразным углом. Как заявлял В. В. Гиппиус, Гоголь – «не археолог, а поэт; он способен спутать хронологию на целые столетия, просто не отдав себе отчета, в какую же эпоху происходит действие»³. Художественная убедительность предъявляемой картины, сохранение духа истории оказываются для писателя более существенными, чем точное следование датам и фактам. Специфику собственного понимания «исторического» Гоголь определяет в статье «О малороссийских песнях»: «Песни малороссийские могут вполне назваться историческими, потому что они не отрываются ни на миг от жизни и всегда верны тогдашней минуте и тогдашнему состоянию чувств»⁴. Таким образом, между историей и ее фиксацией, по Гоголю, не обнаруживается большой временной дистанции. Историческая память обращена не в прошлое, а в будущее: ее носители запечатлевают для современников и потомков окружающую действительность – более в чувствах, чем в фактах.

Необходимость усилий по сохранению не прошлого, но настоящего становится понятной, если мы обратим внимание на то, что все предполагаемые фрагменты «Гетьмана», вне зависимости от своей хронологической соотнесенности, описывают один и тот же тип исторических событий – смутное время кровопролитных сражений, когда реальное положение дел меняется ежечасно

и даже ежеминутно. Естественное в таких обстоятельствах увеличение роли слухов и обмена личными мнениями не проясняет, а чаще только запутывает представление о действительности. «Как же это, добродию! мы не слышали ничего про то, чтобы станица была под Лохвицею?» – сомневается в «Главе из исторического романа» подозрительный Глечик. Однако это несовпадение его собственных знаний с сообщенными Лапчинским сведениями в ситуации всеобщего хаоса не может служить доказательством обмана со стороны собеседника, так что Глечик вынужден (хотя и не без некоторого скрытого лукавства) признать: «И то сказать! Где уже мужику знать все про войсковые дела; до нашего захоластья еще и слухи не дошли об этом»⁵. Постоянно меняющаяся картина требует для своего восприятия опоры на какие-то материальные подтверждения, которые начинают в этой ситуации выполнять функцию носителя исторической памяти. Характерным примером такой взаимосвязи является эпизод из «<Нескольких глав из неоконченной повести>», в котором жида, помечающие мелом пасхи для последующего откупа, вызывают неожиданно сильное негодование казаков: «Это постановл<ение> правительства было уже давно объявлено, народ с ропотом, но покорился, оппозиционисты были испровержены, к этому, кажется, все уже привыкли, знали, что это так поступлено, но, несмотря на это, при виде это<го> постановления, приводимого в исполнение, они так изумлялись исполнению, как будто бы это было новость»⁶. История, фигурирующая в качестве слухов или даже официальных постановлений, воспринимается как не более чем предлог для пересудов; воплотившаяся в конкретных жидках, оскверняющих конкретные пасхи, она вдруг оказывается действительностью.

Важно отметить, что наиболее достоверным вещественным свидетельством истории в обстановке непрерывных вооруженных столкновений становится руина. Вероятность сохранения в целости более или менее крупной архитектурной постройки представляется настолько малой, что в «Главе из исторического романа» едва ли не за чудо выдается нетронутый дом Глечика, в котором живет уже четвертое поколение семьи: «Очень замечательная достопамятность в той стране, где древностей почти не было, где брани, вечные брани производили жестокое опустошение и обращали в руины все то, что успевало сделать трудолюбие и общежительность»⁷. По пути превращения в руину движется любой архитектурный объект, претендующий на репрезентацию тех или иных исторических событий. Например, действующая церковь в «Пленнике», на территорию которой вторгается отряд наемников, по своей сути представляет собой именно руину, обломок запечатленной памяти о минувшем (в том числе недавнем): «Нижняя половина церкви была каменная и, можно сказать, вся состояла из трещин; обожжена, закурена порохом, почерневшая, позеленевшая, покрытая

крапивую, хмелем и дикими колокольчиками, носившая на себе всю летопись страны, терпевшей кровавые жатвы. Верх церкви с теми изгибистыми деревянными пятью куполами, которые установила испорченная архитектура византийская, еще более изуродованная варваризмом подражателей, был весь деревянной». Парадоксальным образом даже «новые доски, желтевшие между почернелыми старыми», которые «придавали ей пестроту и показывали, что еще не так давно она была подчинена богомольными прихожанами», только усиливают производимое церковью впечатление разрухи и упадка⁸. Подобное «руинирование» материальных носителей исторической памяти имеет закономерный характер. По наблюдению М. Б. Ямпольского, концентрируемый вокруг такой руины мир, включающий в себя в том числе и наблюдателя, позволяет как бы путешествовать во времени, «проникая в иные временные пласты, идентифицируя себя с их обломками» путем непосредственного «связывания видимого с образами памяти»⁹. Что до близости «временного пласта» к точке сиюминутного, то она только повышает значимость подобных «обломков» для корреспонденции с недавним прошлым. В этом смысле руина становится вариантом выделенных М. Я. Вайскопфом гоголевских конструкций, в которых время «не просто тяготеет к пространственной метафорике – оно напрямую отождествляется с пространством»¹⁰.

Особенность изображения исторической памяти в предполагаемых фрагментах «Гетьмана» состоит в том, что функции руины в них распространяются и на иные материальные носители, не имеющие отношения к архитектуре. Переход военной удачи от поляков к казакам и обратно сопровождается, а вернее – выражается превращением прежде проходимых дорог в принципиально непроходимые. «...Кто-то пронес слух, что все шляхетство собирается к нам на Сулу в гости, – сообщает Глечик Лапчинскому. – Спихватились сообразу и разломали мосты; так вам, добродию, чтоб не пришлось давать больших объездов»¹¹. Отсутствие проезжей дороги оказывается единственным свидетельством ведения военных действий – свидетельством тем более спорным, что каждый из населяющих украинские степи обладает уникальным знанием о каком-то из путей, не подтверждаемым более никем, а потому и весьма далеким от незыблемой истины. «Общих езжалых дорог тогда не было в Малороссии; но почти каждому известна была какая-нибудь проселочная, по мнению его, самая ближайшая», – заявляет автор в самом начале «Главы...», однако тут же уточняет, что показания жителей «на расстоянии 25 или 50 ружейных выстрелов <...> всегда почти разногласили»¹². Что характерно, даже полученное из третьих рук знание о каком-либо «историческом» происшествии последних дней, если оно подкреплено ссылкой на вещественный источник, придает обладателю такого секрета крайне весомый

статус. Например, Пудько в «<Нескольких главах из неоконченной повести>» в знак дружеского расположения к Остринице так стремится оказать ему ценную услугу, что торопливо сообщает командиру сведения, известные тому куда лучше, чем самому Пудько: «Тут, добродию, нужно нам взять вправо, ибо мимо валу нет уже проезду. Да и забыл, что он при вас был подкопан. Говорят, как свечка полетел под самое небо»¹³.

Итак, любая рассказываемая история резко повышает свою достоверность, если ее рассказчик может при этом сослаться на какой-нибудь известный слушателю фрагмент действительности. Допустимо сказать, что эта взаимосвязь «работает» и в обратном направлении: любой более или менее выделяющийся из окружения предмет при желании может быть развернут в целую историю, носителем памяти о которой он становится. Именно в этом смысле такой материальный предмет начинает выполнять функцию руины, являющейся, согласно М. Б. Ямпольскому, одним из «наиболее эффективных мнемонических знаков», в котором знакомое «всегда преображено необычной формой, стирающей, скрывающей известное», отсылающей более к сокрытому прошлому, чем к окружающему настоящему¹⁴. Так, сосна, неожиданно встречающаяся на пути Глечик и Лапчинскому, «когда во всей почти этой стороне Малороссии, на расстоянии, может быть, по сту верст во все стороны, взор не отыскивал этой суровой жилицы Севера», служит отправной точкой мрачной и кровавой легенды о замученном дьяконе. «И тут же челядь с нечеловечьим смехом и гиканьем всталила несчастного дьякона на ту самую сосну, мимо которой лежит нам путь. Позвольте, добродию: тут-то и история», – с таинственной важностью отмечает Глечик¹⁵. В связи со всем изложенным выше мы можем следующим образом сформулировать суть проблемы исторической памяти в малороссийских текстах «Арабесок»: для своего закрепления и последующей передачи эта память требует наличия, во-первых, какого-либо материального свидетельства, а во-вторых, способного истолковать это свидетельство человека.

Одного материального носителя, как мы можем убедиться уже в эпизоде с таинственной сосной и знающим ее «секрет» Глечиком, оказывается недостаточно. Несомненную совокупность вещественных свидетельств истории предлагает вся Киевская Русь, описанная в статье «Взгляд на составление Малороссии»: «Выжженные города и степи, обгорелые леса, древний, разрушенный Киев, безлюдье и пустыня – вот что представляла эта несчастная страна!» Однако отсутствие летописцев, способных правильно истолковать эти свидетельства, лишает Малороссию исторической памяти о ее недавнем прошлом: «Известия о нем [Киеве] разом прервались, и несмотря на то, что там оставалась еще отрасль князей русских, ничто не спасло его от полувекового забвения. Изредка только, как будто сквозь сон, говорят летописцы,

что он был страшно разорен, что в нем были ханские баскаки, – и потом он от них задернулся как бы непроницаемой завесой»¹⁶. При наличии же такого пытливого интерпретатора свою «тайну» оказываются способны раскрыть даже незначительные фрагменты действительности. Именно с этой целью командир наемников в «Пленнике» подвергает бдительному изучению церковные подземелья: «Тщательно осматривал он находившиеся в земляных стенах норы, совершенно обсыпавшиеся, служившие когда-то кельями и единственными убежищами в той земле, где в редкий год не проходило по степям и полям разрушение, где никто не строил крепких строений и замков, зная, как непрочно их существование»¹⁷.

Однако необходимость в толкователе материальных знаков закономерным образом открывает простор для всевозможных домыслов, подмен и спекуляций. С одной стороны, по мнению Гоголя, песни Малороссии способны предложить сведения о том периоде, когда в нее «хищно ворвалась» Уния: «По этим звукам можно догадываться о ее минувших страданиях, так точно, как о бывшей буре с градом и проливным дождем можно узнать по бриллиантовым слезам, унизывающим с низу до вершины освеженные деревья...»¹⁸ С другой стороны, значимым уточнением в приведенной фразе становится слово «догадываться», делающее связь между художественным произведением и якобы отраженной в нем действительностью весьма опосредованной – как, впрочем, и по «бриллиантовым слезам» допустимо еще делать предположения о прошедшем дожде, но уже с большой натяжкой – о буре с градом.

Подлинный анализ и истолкование материального носителя исторической памяти, таким образом, подменяются плодами фантазии самого интерпретатора, для которого этот материальный носитель может стать отправной точкой безудержного мифотворчества. Нам уже приходилось рассуждать об «обратной хронологии» в «Главе из исторического романа», где «не предыстория определяет суть происходящего явления, а наоборот, явление (а точнее – акт рассказывания о нем) необходимо требует возникновения предыстории, главным свойством которой становится не логичность, не внутренняя непротиворечивость, но убедительное объяснение нужного рассказчику и современного ему факта»¹⁹. В этом контексте допустимо, на наш взгляд, говорить о том, что ключевой аспект заявленной в теме исследования проблемы наблюдается в возможности отождествления исторической памяти и нарративного отображения исторических представлений индивида или народа. Именно это отождествление происходит при переориентации исторической памяти с прошлого на будущее – процессе, в котором к функции сохранения истории непрямо добавляется функция ее произвольного конструирования. Изучение поэтики гоголевских текстов с этой позиции представляется нам весьма актуальным.

Примечания

- 1 Комментарий // Гоголь Н. Полн. собр. соч. и писем : в 23 т. Т. 3. М., 2009. С. 560.
- 2 См.: Гоголь Н. Арабески. СПб., 2009.
- 3 Гиппиус В. Гоголь // Гиппиус В. Гоголь. Зеньковский В. Н. В. Гоголь. СПб., 1994. С. 63.
- 4 Гоголь Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 157.
- 5 Там же. С. 27.
- 6 Там же. С. 258.
- 7 Там же. С. 270.
- 8 Там же. С. 178–179.
- 9 Ямпольский М. Наблюдатель : очерки истории видения. М., 2000. С. 37, 93.
- 10 Вайскопф М. Время и вечность в поэтике Гоголя //

- Вайскопф М. Птица тройка и колесница души : работы 1978–2003 годов. М., 2003. С. 247.
- 11 Гоголь Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 26.
- 12 Там же. С. 25.
- 13 Там же. С. 262.
- 14 Ямпольский М. Указ. соч. С. 93.
- 15 Гоголь Н. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 27, 28–29.
- 16 Там же. С. 82–83, 84.
- 17 Там же. С. 180.
- 18 Там же. С. 162.
- 19 Волоконская Т. Проблема хронологии в исторических фрагментах сборника Н. В. Гоголя «Арабески» // Изменяющийся мир : общество, государство, личность : сб. материалов IV Междунар. науч. конф. (Саратов, 9 апреля 2015 г.). Ч. 3 (разд. 17–24). Саратов, 2015. С. 306.

УДК 821.161.109-43+070(470)|1912/1914|+929Пришвин

ЖУРНАЛ «ЗАВЕТЫ»: РЕЦЕПЦИЯ ПЕРВОЙ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЫ В ОЧЕРКАХ М. ПРИШВИНА 1912 ГОДА

Н. В. Новикова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: novikovanv@mail.ru

В статье фрагментарно републикуются пришвинские очерки из журнала «Заветы», содержащие рецепцию Первой Балканской войны (1912). Они художественно-публицистически воспроизводят обсуждение различными слоями российского общества «славянского вопроса», актуализированного войной. Современность геополитического звучания пришвинских образов и оценок очевидна.

Ключевые слова: журнал «Заветы» (1912–1914), М. Пришвин, публицистика, отдел «По градам и весям», Балканская война, «славянский вопрос».

Journal *Zavety* (Testaments): the Reception of the First Balkan War in M. Prishvin's Sketches of 1912

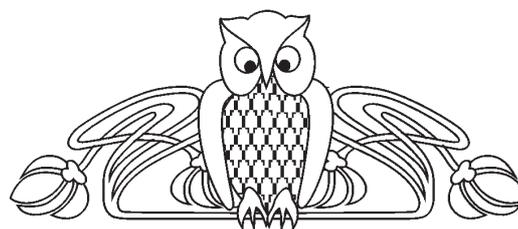
N. V. Novikova

M. Prishvin's sketches from the journal *Zavety* (Testaments) are re-published in fragments containing the reception of the First Balkan war (1912). They in a resourceful and journalistic manner re-create the discussion of the «Slavic issue» actualized by the war in different spheres of the Russian society. It is evident that Prishvin's images and evaluations sound geopolitically up-to-date.

Key words: journal *Zavety* (Testaments) (1912–1914), M. Prishvin, journalism, column «Through towns and villages», Balkan war, «Slavic issue».

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-3-278-286

Издание журнала «Заветы» как периодического печатного органа эсеровской партии, переживающей кризис после предательства Азефа,

иницируется недавним идеологом партийцев Виктором Черновым. С апреля 1912 по июль 1914 г. ежемесячник оперативно откликается не только на события общественно-политической и культурной жизни России, но и пристрастно наблюдает за процессами, происходящими в Европе, точнее – на Балканах: за локальностью и удалённостью в них угадывается грозящая Отечеству опасность. Именно так расценивается вспыхнувший там на исходе первого десятилетия XX в. конфликт державных интересов, переросший в Первую Балканскую войну, следующая волна которой превратилась во Вторую Балканскую войну и предопределила цунами Первой мировой.

По горячим следам, в ноябрьском номере журнала за 1912 г., назревшей проблеме посвящается цикл очерков М. Пришвина¹. Они открывают его персональный отдел «По градам и весям», который с первых страниц обретает свой голос. Вслед за этим помещается уже восьмой выпуск отдела С. Мстиславского «Своё и чужое (Русская жизнь)» с красноречивым названием очерка: «Чужая война»². В той же книге, в отделе «Текущая жизнь» под рубрикой «За границей» публикуются «Письма с Балкан» Ст. Вольского³, а вслед за ними – очерк Л. Василевского, посвящённый политической ситуации в Венгрии⁴. В одном из очерков пришвинского отдела декабрьской подборки – «Наши позиции»⁵ – продолжение разговора об отношении к происходящему в «горячих точках». Во втором томе «Заветов» за 1913 г. – ещё одно «Письмо с Балкан»⁶. Как видим, балканская ситуация освещается в журнале сразу несколькими авторами, в соседствующих отделах, в разных